РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

Тереза Амато,
исполнительный директор Центра защиты граждан США

...Никакой закон не будет работать, если люди не будут постоянно требовать его неукоснительного соблюдения..."

Г–жа Амато основала Центр защиты граждан в 1993 г. при содействии "Треста Ральфа Нэйдера в интересах групп граждан" с целью просвещения в области представительной демократии; предоставления бесплатной юридической помощи в интересах развития
и гражданских возможностей, ресурсов и институтов; укрепления самоуправления; выявления случаев нарушения демократии и злоупотреблений властью на местах и принятия мер по устранению подобных нарушений.
Г–жа Амато окончила с отличием Гарвардский университет в 1986 году по специальности "государственное управление и экономика", а также Школу права Нъю–Иоркского университета (1989 г.), где она была старшим редактором журнала "Нью–Йорк Юниверсити Ло Ревью". Предыдущая трудовая и общественная деятельность г–жи Амато включает работу помощником федерального судьи в одном из округов Нью–Йорка, консультантом Комитета по правам человека в Гаити и адвоката в нескольких судебных процессах по гражданским делам.
Г–жа Амато ведет также лекционную работу, выступая по вопросам информационной политики и законодательства. После принятия программы "Глобальный доступ к информации" она выступает в различных странах с лекциями о значении доступа к информации для демократии.
Публикуемый ниже текст является расшифровкой стенограммы выступления Терезы Амато на научно–практической конференции "Российская журналистика: проблемы доступа к информации".
Три года назад я оставила Вашингтон, потому что к этому времени и общественность города, и судьи, и адвокаты, и все столичные чиновники были хорошо осведомлены о Законе об открытом правительстве, знали как его применять и трактовать, поскольку даже правительство посылало своих представителей на семинары по изучению данного Закона.

Но Вашингтон – это еще не вся Америка. Большинство людей в США вовсе не интересуются тем, что происходит в Вашингтоне, их больше интересует то, что происходит на региональном уровне, то есть в их собственных общинах, городах, штатах.
Поэтому я уехала из Вашингтона в штат Иллинойс для того, чтобы с помощью Ральфа Нейдера построить именно там современную модель демократии. Мы начали в небольших городках, расположенных неподалеку от Чикаго. Мы стали учить население этих городков, каким образом им нужно обращаться с той информацией, которая есть у Правительства и которую оно не всегда сообщает гражданам, каким образом добывать эту информацию, каким образом с этой информацией обращаться в суды и т.п.
Мы встретились со множеством трудностей. В моем собственном округе, в котором находится 34 муниципалитета, 9 пригородов, в течение 27 лет власть находилась в руках одной партии. К этой партии принадлежали все чиновники, даже те, кто отвечал за отлов бродячих собак.
Журналисты практически не имели возможностей для самостоятельного расследования различных дел и, освещая деятельность властей, часто ограничивались публикацией официальных пресс–релизов.
Поэтому люди привыкли к тому, что если они в ответ на просьбу предоставить какую–

нибудь информацию получали от властей отказ, то они спокойно уходили, и никто не бросал вызов этим властям.
За 10 лет после принятия Закона об открытом правительстве было возбуждено менее сотни дел по поводу нарушения этого закона.
Через неделю после приезда я возбудила дело против ведомства, которое было занято строительством дорог в моем штате. Я спросила отдел по связям с общественностью этого ведомства, когда они собираются устроить совещание по поводу строительства новых дорог и могу ли я присуствовать на этом совещании.
Первым их ответом было: "Нет, вы не можете присутствовать на этом заседании".
А я им ответила вопросом: "Вы когда–нибудь слышали о Законе об открытом правительстве? Должна ли я Вам напомнить, что любой представитель общественности, любой рядовой гражданин имеет право присутствовать на ваших собраниях?"
Чиновник, с которым я разговаривала, был очень обескуражен.
То же самое повторялось и в других случаях.
Все это я говорю для того, чтобы подчеркнуть свою мысль о том, что никакой закон не будет работать, если только не будет цивилизованных привычек населения. Если население не будет знать, что своими действиями должно внедрять закон в жизнь, если не будет при этом знания о законах, которые разрешают общественности участвовать в общественной жизни, то бессмысленно ждать, что что–нибудь изменится.
Я говорю это потому, что в течении многих лет сама бросала вызов как местным властям, так и властям на федеральном уровне.
Только благодаря настойчивости общественности в США большинство населения получает ту информацию, в которой оно заинтересовано. Это дает возможность населению вскрывать факты коррупции среди Правительства.
Теперь я хотела бы сказать несколько слов о проекте российского Закона "О праве на информацию" [Текст этого документа опубликован в бюллетене "Законодательство и практика средств массовой информации", выпуск 4 за 1996 г.], с которым мне удалось познакомиться благодаря Комиссии по свободе доступа к информации.
Я буду говорить с точки зрения не журналиста, а с точки зрения рядового гражданина, которому нужна какая–то информация. Остановлюсь лишь на некоторых статьях, которые, на мой взгляд, содержат противоречия.

Мой первый вопрос: кто может воспользоваться этим законом?
В США даже школьник имеет, право затребовать информацию по поводу того, сколько деревьев было посажено в этом году.
Фармацевтическая компания может запросить все данные о конкурирующей компании и выяснить, какие испытания прошли те или иные лекарства, произведенные компанией–конкурентом.
Даже иностранец имеет право запросить информацию, потому что никто не смеет интересоваться статусом запрашивающего: безотносительно к статусу ему должны выдать информацию. Разумеется, могут быть такие случаи, когда запрашивающий должен будет предоставить свои данные о том, живет ли он в этой стране или нет, но это бывает редко, в случаях, оговоренных законом.
А что у вас? Например, ст. 4 российского законопроекта гласит:
каждому гарантировано право на информацию. Кому это – каждому? Кто имеется в виду: корпорация, ребенок или вообще кто угодно? Это связано со ст. 11, в которой говорится о бесплатности предоставления информации.
Второй вопрос: какие органы власти, какие ведомства имеют право раскрывать информацию?
2–ой абзац ст. 2 говорит о том, что информация дается организациями назависимо от их формы собственности. Что это означает: частная корпорация может требовать информацию у другой частной корпорации или это право будет иметь только правительственная организация? Например, у нас в Америке представитель одной

компании не может прийти в какую–то другую компанию и потребовать информацию о них самих. Он имеет право обратиться к Правительству США, которое держит информацию по поводу всехкомпаний, и в правительственных информационных массивах посмотреть ту часть информации, которая поступила в Правительство от интересующей его компании.
Третий вопрос: какую информацию, имеющуюся у Правительства, может требовать гражданин? Только ли ту, которая произведена правительственными ведомствами и структурами или и ту, которая передана Правительству на сохранение?
Подпадают ли под действие этого закона телефонные звонки, электронная почта или база данных на компьютере?
Еще один вопрос о процедуре, в соответствии с которой можно получать информацию. Ст. 8 законопроекта совершенно сбивает меня с толка. Например, здесь утверждается, что ответ должен быть дан в течении 30 дней, но в этой же статье дальше идет, что в каких–то определенных случаях этот срок нарушается и может быть продлен до 40 дней. Вопрос о процедуре очень важен, так как в большинстве случаев такие дела теряют всякий смысл только из–за того, что они неоперативно выполняются.
Вызывает замешательство своими формулировками ст. 9, в которой говорится о том, какие данные не подлежат раскрытию. Из нее трудно
понять, что считается государственной тайной. Являются ли секретными сведения о жизни человека после того, как он умер?
Что такое коммерческая тайна?
Эти неясности могут вносить такой дисбаланс в законодательство, что сам закон становится бессмысленным.
Последнее замечание – по поводу судебных дел. Закон должен стимулировать обращение граждан в суд по поводу ущемления их права на свободу доступа к информации. Судебное разбирательство по таким фактам должно стать повседневным делом. К сожалению, этот аспект проблемы в законопроекте прописан слабо.
В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что демократия имеет смысл только тогда, когда она работает изо дня в день.
Необходимо, чтобы демократия работала изо дня в день, а не только в дни выборов. XX век показал нам действенность демократии в принципе, а XXI век покажет нам эту действенность на практике.